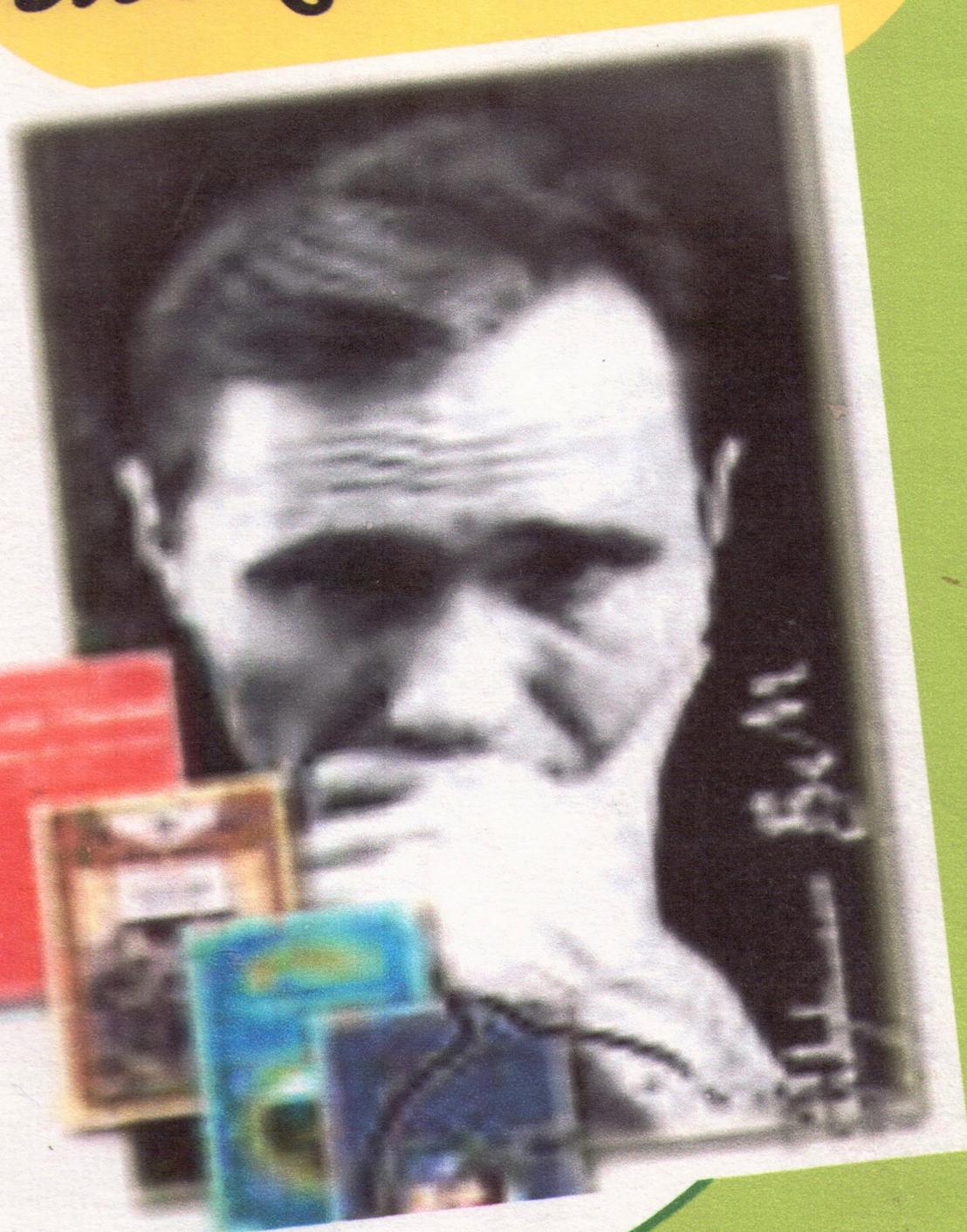

**О нем поем
высоким слогом**

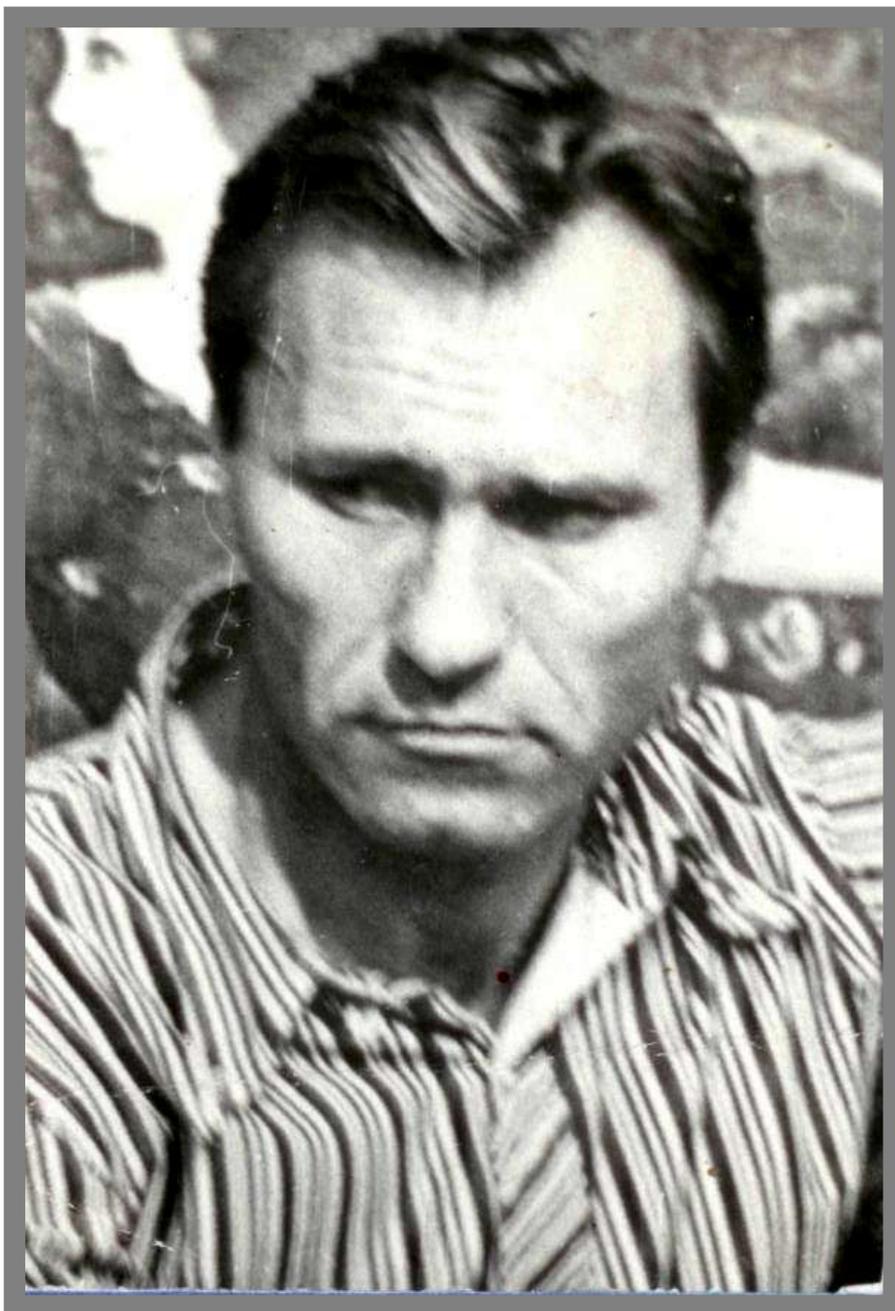

**Сборник стихов,
посвященных В.М.Шукшину
с.Троицкое 2009 г.**

Валентина Каркавина

О нём поём высоким слогом

*Сборник стихов поэтов Троицкого района
о Шукшине Василии Макаровиче*

*с. Троицкое
2009 г.*

От составителя

2009 год стал для жителей Троицкого района знаковым: в год 80-летия Василия Макаровича Шукшина были подведены итоги многолетней деятельности троичан по шукшинскому проекту «Быть на земле человеком». В течение тридцати лет троицкие шукшинисты подготовили исследовательские работы о творчестве и личности Василия Макаровича, опубликовали в СМИ рассказы о встречах с ним, поставили сотни спектаклей по его произведениям. За участие в Шукшинских чтениях и краевых конкурсах: «Калина красная» и «Благослови меня, Моя Родина» Попов Р.М., Какова Л.В., Никифоров В.В. были удостоены дипломов победителей. Во сёлах района все эти годы проводятся конференции, выставки детского творчества, вечера, организуются поездки в музей имени Шукшина. В честь Шукшина В.М. издан сборник стихов троицких поэтов «О нём поём высоким слогом», куда вошло 50 стихотворений троицких поэтов и поэма Л.Г. Фельдбуш «Возвращение». Ольшинство стихов написано учениками и учителями из сельских школ. Поэт с. Петровки Мишина Р.А. посвятила Шукшину цикл своих стихов, которые нашли отклик среди читателей. Издание сборника «Растревоженная душа» - это итог многолетней работы школьников и учителей района по исследованию творчества и личности Шукшина. Каждый рассказ и каждое стихотворение - это признание в любви великому мастеру слова - Василию Макаровичу Шукшину, чей наказ для нас является главным заветом в жизни: «Нам бы про душу не забыть, немножко добрее быть. Мы один раз живём на земле. Будь на земле человеком». С этим жил, это проповедовал В.М.Шукшин.

Валентина Каркавина

Алтайский край – душа Сибири

Алтайский край – душа Сибири,
Красивей края просто нет.
Здесь реки бурные игриво
Бегут уж много тысяч лет.
Здесь воздух свежий, лес, равнины,
Поля, озера, города
И почему-то так любимый
Песчаный берег у ручья.
Здесь родилась я зимним утром
С улыбкой детской на устах,
И поздний вечер песней русской
Укачивал сквозь сон меня.
Здесь посчастливилось родиться
И Гурову, и Шукшину.
Они Алтай любили дивный,
Свое село, свою семью.
И у меня в душе свободный
Всегда найдется уголок
Для той любви, что год за годом
Алтай взрастил любимый мой!

Оля Чернягина

10 класс, Новоеловская школа

Памяти Шукшина

Шукшин ушел от нас недавно.
Так, видно, Богом суждено.
Он память о себе оставил:
На весь он мир Алтай прославил.
Любил людей Василий очень,
Любил он родину свою,
Родные Сростки на Алтае
И говорил: «Ими живу».
Шукшин куда-то торопился,
Боялся что-то не успеть,
Учил любви, славы добился,
Глубокий он оставил след.
За все ему мы благодарны

И любим всей его душой.
И вам я смело добавляю:
Шукшин не умер – он живой!
Живет он в прозе и в кино,
Живет в театре и поныне.
Пройдут года, но все равно
Мы будем помнить это имя –
Шукшин Василий.

Ирина Берх
9 класс, ТСШ№2

На родине Шукшина

И снова мы в Сростках, стоим на Пикете.
Сиреновой дымкой покрыта тайга.
Милее не может быть места на свете,
Ведь это родное село Шукшина.
Село разметнулось, как на ладони,
С Пикета открылась его красота.
Шукшин здесь сидел на пикетском просторе,
В раздумье глядел на родные края.
Сейчас наш Макарыч в гранитном обличье
Навечно прикован к любимой горе.
Он смотрит на нас, словно каждому лично
Стремится напомнить о грешной душе.

Вера Дружинина
6 класс, ТСШ№1

В гостях у Марии Сергеевны Шукшиной в г. Бийске

Нам двери открыла Мария Сергеевна,
Всплеснула руками, мол, рада гостям.
А мы, оробевшие, входим несмело
Туда, где Шукшин никогда не бывал.
На стенах портреты Василия, внучек,
Подарки и книги лежат на столе.
Но мы подарили подарок лучше –
Платок кашемировый и мед в туюске.
Она нас приветила, сели, притихли,
Словно повинные в чем-то пред ней.
Но мать Шукшина улыбнулась открыто:
«Спасибо за Васю и школьный музей».
Затем предложила нам чай и печенье.
Какой там нам чай – не за этим пришли.
Альбомы листаем, затем постепенно

Про сына ее разговор завели.
Слезинку смахнула Мария Сергеевна,
Стараясь не дать воли горьким слезам,
Потом улыбнулась, сказала степенно:
«Возьмите вот это, часы дарю вам».
Она еще долго рукою махала,
Как будто прощалась, смотрела нам вслед.
А мы уезжали домой и не знали,
Что это ее был последний привет.
Елена Кишкина, Валентина Каркавина
с. Новоеловка

Большой человек с Алтая

Под небом этим русским
И на земле родной
Родился в селе Сростки
Наш человек большой.
Борец за справедливость,
В душе любовь храня,
Дарил он радость людям,
Их искренне любя.
Он вкладывал в творенье
Всю душу и тепло.
Его произведения
По миру пронесло.
А имя человека
Звучит со всех вершин
Красиво, звонко, гордо:
«Василий Шукшин!».

Алена Риммер
9класс, ТСШ №2.

Мы благодарны Шукшину

Дорогой ты наш земляк!
Тебя знают стар и млад.
Память о тебе храним,
Всеми ты у нас любим.
Твой талант не угасаем,
Потому ты узнаваем.
Ты родной Алтай прославил,
Дар бесценный нам оставил.
Режиссер, артист, писатель,
Наших душ ты врачеватель.
Сердце всем разбередил,

За собою поманил.
Гуманист Шукшин Василий,
Был ты в жизни духом сильный.
Не боялся, шел вперед.
Тебя любит весь народ.
Каждый в нашем селе житель,
Молодой иль долгожитель,
«Калину красную» смотрел
И тебя уж так жалел.
Пробегают дни-денечки
Зимой, летом и весной,
Но не умер наш Василий:
Он средь нас всегда живой.

Екатерина Копылова
9 класс, ТСШ№2

Нет ни у кого упорней рук.

Он актер, режиссер, писатель.
Играл, снимал, писал для нас.
Его рассказы, кино, пьесы
Поклонников волнуют и сейчас.
Нет ни у кого упорней рук,
Создавших всё это богатство,
Сколько страданий, сколько мук
Он испытал, но не напрасно.
Он умер тихо, незаметно.
В каюте ночью на Дону.
Никто в тот миг не думал,
Что стало плохо Шукшину.
Ушел Шукшин из жизни нашей,
Он в ней так много повидал.
Но не было для него всех краше:
Мать, Сростки и Алтай

Владимир Шнайдер
7 класс, Ельцовская школа

В.М. Шукшин

Василий Шукшин всеми нами любим
За то, что порою, читая,
Мы вдруг удивимся: «Так вот ты какой,
Великий писатель с Алтая!»
До боли знакомый, обычный сюжет,
Но всякий его понимает.
И что-то родное в нашей душе

Тихонько заденет, бывает.
Он пишет о быте сельских людей,
Наполненном вечной тревогой.
В почете здесь труд и поддержка друзей,
Ведь добрых людей на Алтае так много.
Листая страницы, воскликнешь порой:
«Простой человек - Василий Шукшин,
Открытый и чуткий, с сибирской душой,
Достигший в искусстве высоких вершин!»

Даша Кошелева,
8 класс ТСШ №2.

Сын Алтая

Село Сростки есть на Алтае,
Там когда-то жил Шукшин.
У нас все люди о нем знают:
Ведь он алтайский верный сын.
Он в детстве был послушным малым,
Любил учиться в школе он.
С друзьями под вечер, бывало,
Бежал на речку босиком.
Любил купаться он в Катунь,
А на Пикете отдыхать.
Дарил цветы сестре, мамуле,
В Москве учиться так мечтал.
Хотелось Васе быть известным,
Прославить свой Алтайский край.
Сложилась жизнь его, как песня,
Снимал кино, писал, играл.
Ушел из жизни так внезапно,
И доиграть не смог он роль.
Семья ждала его напрасно,
Но он к ней так и не пришел.

Надежда Агапеева
5 класс, ТСШ №2

Он был и есть

Он был так молод и красив,
Улыбчив и жизнелюб.
Он обожал родные Сростки
И Пикет, боготворил ещё березки.
Умел он спеть, умел любить,
Обиды мог легко забыть.
Он был от Бога режиссером
И был прекрасным он актером.
Так быстро жизнь его оборвалась.

Она ведь только началась.
Не должен был он так вот умереть.
Он дальше должен был и жить, и петь.
Он должен в фильмах играть роли
И ездить за границу на гастроли.
Но умер он, когда хотелось жить.
Хотя он мог бы родине служить.

Ольга Федорищева
10 класс, ТСШ №1

Василию Шукшину

Земля алтайская дала нам сына
С именем русским – Василий Шукшин.
За творческий путь свой короткий
Как много создал он один!
Алтай голубой и Сростки,
Ты родина его была!
Всю жизнь он помнил ту корову,
Что для него мать продала.
Жилистый, крепкий, упрямый,
Со сжатой пружиной внутри,
Актер, публицист и писатель,
Голой рукой – не бери...
О зле и добре в судьбе человека
Не понаслышке он знал.
Слогом правдивым и метким
Героев своих создавал.
Смеешься и плачешь с ними,
Словно в жизни знал и встречал.
В «Калине красной» Егор Прокудин
С открытой душою пред нами предстал.
И пусть Шукшин в ином уже мире,
Но светлая память в нас живет.
Поэтому каждое лето в Сростки
Народ поклониться ему идет.
А в нынешний год юбилейный
Сыном своим особо гордится Алтай!
Со всей страны придут гости:
-Вставай, Макарыч! Сам встречай!
Говорить мы будем о России,
К нему поднявшись на Пикет.
И далью любоваться синей.
Прекрасней и родней Алтая нет!

Валентина Мадонова
с.Троицкое

Цикл стихов о Шукшине Мишиной Р.А.

Возвращение на родину

Шукшин на родину вернулся,
Чтобы с нею вечно быть.
На горе присел, разулся,
Пыль с одежды отряхнул.
На село взглянул с любовью,
На Катунь и тополя:
«Славы я добился «кровью»,
Помогала мне земля,
Земля родины святая,
Село Сростки, земляки.
Хоть в граните я, но с вами
На Пикете, у реки.
Мне спокойно и удобно,
И машины не пылят.
А сороки мне подробно
Все секреты говорят.
Ах, вы, милые березы,
Не грустите обо мне.
Не люблю, поверьте, слезы,
Мне так сладко в тишине.

Шукшин на родине

Пикет виден всей округе,
И с него большой обзор.
О нем пишут, как о друге:
Там Шукшин несет дозор.
Он сидит, ветрам открытый,
С непокрытой головой,
Росой утренней умытый,
Всем знакомый и родной.
Он село оберегает,
Чуйский тракт и земляков,
Хоть гранитный, но мечтает,
Поджидает «чудиков».
Мужиков селянских, здешних,
Простых, мудрых, дорогих,
Говорливых и потешных,
Благородных и родных.
Землякам он благодарный
За приют и за Пикет,
За музей в селе шикарный,

О котором знает свет.

Здесь с достоинством едят

Вся Россия знает Сростки.
Село едут навестить.
Тогда делают подмости,
Чтоб приедем угодить.
Угощают медовухой,
Пирогам и ухой,
Полушалки надевают,
Пляшут в них с такой лихвой.
Народ сростинский удалый
И талантливый причем.
Старый житель или малый
Село славит и свой дом.
Нет, не лыком шиты люди,
На задворках не сидят.
Пироги, блины на блюде
Здесь с достоинством едят.
И они достойны славы,
Что Шукшин им подарил,
Всероссийской, общей славы,
Даже тем, что с ними жил.
Ума-разума набрался
Здесь, на сростинской земле,
До столицы сам добрался,
Не однажды был в Кремле.
Жар души – подарок Бога
Не держал он взаперти.
Потому и тракт-дорога
Помогла в Москву дойти.

На Пикете ты сидишь

На Пикете ты сидишь,
Видишь всю округу,
По прошедшему грустишь,
По жене, по другу.
Видишь милое село,
Отчий домик мамы,
Как сельчане весело
Снуют меж домами.
Каждый штрих тебя волнует.
Душа здесь, на берегу,
Река буйная чарует,

Цветы, травы на лугу.
Трещат кумушки-сороки
Где-то рядышком с тобой,
Видно, делят караоке
И бранятся меж собой.
Знай, Макарыч, тебя помним,
Уважаем за твой труд,
Смотреть фильмы твои любим,
Они с временем идут.
Ты в июле гостей жди,
Юбилей отметить.
Не помеха зной, дожди.
Нас сумей приветить.

А мы помним его, чтим

Здесь, на родине на малой,
Он подпитку получал,
Приезжал сюда уставший,
Душу, тело врачевал.
Утром рано просыпался,
Шел к Катунь, на Пикет.
В лучах солнечных купался,
Встречал радостно рассвет.
Слушал щебет воробьиный,
Свист малиновки в кустах.
Становился духом сильным
И удачливым в делах.
Потому-то и вернулся
После смерти он сюда.
На Пикете сел, разулся
И остался навсегда.
Бегут дни, недели, годы,
Но мы помним его, чтим.
Уже поросль наша – всходы
Подружилась с Шукшиным.

Ах, калинушка, калина

В Сростках заросли калины
У Катунь, у реки.
Ее ягоды – рубины
Воспевают старики.
Вкус калины необычный,
Терпкий и всегда горчит.
Но для здешних он привычный,

Подмороженный, сластит.
Шукшиным воспетый ярко
На года калины куст.
Он пылает, горит жарко,
Когда с ягодой, не пуст.
Ах, калинушка, калина,
Гроздья красные твои.
У Катину вся долина –
Костра жаркого огни.
Потому калины гроздья
В дар Макарычу несут.
Его славят, а угодря,
Что с калиной, берегут.

В селе Сростки я родился

Бьется быстрая река
О крутые берега.
На высоком берегу
Мир села я стерегу.
Я не шумный – молчаливый.
Я гранитный – не пугливый.
Много лет несу дозор
В алтайских синих гор.
В селе Сростки я родился
И сюда вновь возвратился.
И спасибо землякам,
Что опять служу я вам.
Что позвали на Пикете
Часовым сидеть в секрете.
Видеть дом и земляков,
Чутко слышать земли зов.
Мне б сейчас привстать, встряхнуться,
Он сна вечного очнуться,
С земляками пообщаться
Да с березками обняться.

Если бы Шукшин был жив

Эх, при жизни б Шукшину,
Как скорбим, увидеть.
Эх, при жизни бы ему
Это все предвидеть.
Как его мы превозносим,
Поем дифирамбы,
Как букеты ему носим,

На обертках штампы.
И красуемся собой
Перед ним, гранитным,
Топчем улицы гурьбой,
Скопом важным, сытным.
А он смотрит мудрым взглядом
На всю эту суету,
Словно шепчет: «Сядьте рядом,
Я вам новое прочту.
И калины грозди красной
Подарите вместо роз.
Была жизнь моя прекрасной,
Никогда не вешал нос».

Помнит Родина способных

Помнит Родина способных,
Одаренных мастеров,
Чудных, ловких, искрометных,
Замечательных творцов.
Чтит и помнит их за верность
Земле Родины своей,
За смекалку и за смелость,
За новаторство идей.
Был творцом Шукшин чудесным,
В шедевр мысли превращал,
Словом метким, полновесным
В кино роли украшал.
Заслужил Макарыч память
Божьим даром и умом.
Никакая в мире замять
В память ту не бросит ком.

На Алтае он родился

На Алтае он родился
В летний солнечный денек.
Что с Алтая он, гордился,
Жить без родины не мог.
Без Катуня и Пикета,
Без села и земляков.
Приезжал и до рассвета
Слушал байки мужиков.
И писал потом рассказы
О знакомых чудаках.
Находил среди них алмазы,

Правил грани в их словах.
Наделен был даром слушать,
Ценил юмор мужиков,
Мог и водочки откусать,
Не смущать чтоб стариков.
Чтоб они раскрепостились,
Не стеснялись своих слов,
Чтоб при нем разговорились,
На уху отдав улов.
Старожилы еще живы,
Кто встречался с Шукшиным.
Эти люди не спесивы,
Не вскружил их славы дым.
Узнают себя в рассказах,
Поминают Шукшина.
Ведь в смешливых тех проказах
Жизнь строкою их прошла.

Раиса Мишина
с. Петровка

Юбилей

Сростки... Июль... Здесь у нас юбилей.
Василий Шукшин собирает друзей.
Но им приглашенья совсем ни к чему,
Они с радостью сами едут к нему!
Хороший писатель он и актер,
Известный кинорежиссер,
Знаток прекрасный душ людских –
Поведать смог и нам о них.
Его герои живут среди нас,
В чем-то похожи на меня и на вас,
Трудолюбивы, скромны и умны,
Чудоковаты, но в помыслах чисты.
Василий Макарович их уважал,
О жизни счастливой для них он мечтал.
Землю родную очень любил
И жизнь свою полностью ей посвятил.
Земли алтайской славный сын,
Ее достойный гражданин,
Без лишних слов и пышных фраз
Примером в жизни был для нас.

Любовь Пономарёва
с. Загайново.

Деревня, деревня...

Деревня, деревня...
Вот оно, это место грустное,
Вечная бедность русская:
Дымящие трубами печи,
Сугробы по самые плечи.
В омуте грез купалась,
А речкою слез обрызгало.
Томит вековая усталость,
И новая жизнь – как изморозь.
Ой, ты Родина! Русь великая!
На века – все одно и то же:
Гордый город, село безликое,
Голос – грусть: «Помоги, Боже!»
Снова включенные метели
Просквозили февральское небо,
Нету почты на этой неделе,
Денег тоже давно уже нету.
Я откладываю свои поездки,
Все дела, до весенних паводков.
А потом мы с друзьями вместе,
Может быть, съездим в Сростки к памятнику.
Может быть... Может быть... Не просто же
Наш земляк маяком блеснул –
От села под названием Сростки
Ярким словом страну всколыхнул.
Сельский парень, с нелегкой ношей
За плечами прожитых годов;
Шел по жизни обычный прохожий,
С отпечатком ши-и-роких шагов.
Вижу я – плохо кончит февраль.
Недалече, как этой ночью,
Ветер, с крыш у домов сдирал
Кровлю, как шелуху чесночную.
Но прекрасен мой край всегда;
Деревенская ветхость грустная:
В печках мирно горят дрова,
Вьется дым над землею русскою!

Николай Решетников
с. Песьянка

Матери В.М. Шукшина
Тихо качает калина

Веткой над быстрой рекой.
Ждет у окошка мама
Взрослого сына домой.
А сын улетел далече,
Добрался до самой Москвы.
Но верит она: он приедет,
И снятся ей добрые сны.
Взойдет на порог веселый,
Обнимет, прижмется щекой
И скажет ей: «Здравствуй, мама,
Вернулся к тебе я, домой».
Глядит с Пикета на Алтай Шукшин.
На дали светлые, манящие,
На дом родной и на Катунь,
На облака, к нему летящие.
Во взгляде грусть и глубина,
И русская души распаханность.
С тобой, сторонущка моя,
Нет боли в сердце, нет опасности.

Наталья Управителева
с. Загайново

Возвращение (поэма)

К 80-летию В.М. Шукшина

I

Катунь, Катунь! Сибирская река!
То бурная, то медленно спокойная,
То плавная, а то, как стриж, легка,
Стремительно порывистая, вольная.
Весной и летом мощно полноводная,
И страстная, и пламенно свободная,
Ты мчишься сквозь летучие века.
На берегах в противовес тебе
Колышут ласково березы кронами,
И тополя в таинственной мольбе
Ветвями к небу тянутся зелеными.
Во всем разлиты нега и покой.
В гармонии природа с тишиной,
Со Сростками, с Пикетом и со склонами.
Здесь на полянах солнечной весной
И летом под певучими деревьями
На чутких берегах реки родной

Сельчане дружно отдыхают семьями.
И не одни они здесь гости жданные,
Другие есть, издалека, желанные,
Тряхнуть сюда стремятся стариной.

Ах, Сростки, Сростки!
Что же в них срослось?
Беда людская да судьбина горькая,
Да лихолетье, что во всей Руси велось,
Срослось в 30-х с каждым здесь подворьем.
Под горестные бабьи причитания,
Под сдержанно надрывные стенания
Здесь жизнь катилась в годы те
и вкривь, и вкось.

Времен рвалась связующая нить,
И дети за отцов не отвечали.
Кошунство разве можно замолить
И превозмочь все скорби и печали?
Когда, как тать в ночи, как злые вороги,
Как будто самураи, будто вороны,
Постановили: всех «врагов» со света сжить!

Катунь, Катунь! Ты помнишь те года,
Когда крестьян опустошались избы,
А их везли неведомо куда
По непонятным им судьбы капризам?
И без вины невинных осудив,
Упреки совести отвергнув и забыв,
Уничтожали как врагов труда.

И маленького мальчика с сестрой
Утрата горькая, увы, не миновала.
И сиротой остался дом родной,
А мать надела вдове покрывало.
Теперь лишь взгляд, наполненный любовью,
И нежностью, и неизбывной болью,
Ловили дети с карточки простой...

II

Где найти оправданье? Круговая порука.
А народ отдан был в поруганье, на муки.
Приговор объявляли за круглой печатью,
Подписи же скрепляли палачей всех,

как братьев.

В чем же тот виноват, кто подписывал это?

Здесь нужна была хватка,

чтоб уйти от ответа.

И ссылалось на время, на суровые годы

То безликое племя, что губило народы.

-Да, следили и брали, издевались

в застенках...

На край света ссылали, чаще ставили

к стенке.

И потом пили, ели, ловили удачу,

А порой ордена и медали в придачу.

Бесшабашно не думали о расплате,

Но манили мечты о высокой зарплате.

Привилегии предоставлялись «по праву».

Дела нет до того, кому не по нраву.

Забывали безбожно о жертвах «законов».

Их не мучила совесть. Все казалось законно.

Только тайное все вдруг становится явным –

Жизнь вторую по смерти

обретают бесправные.

III

Протоки Катуня, вечерние росы,

Фигурки мальчишек у костерка,

Приплывших на лодке после покоса...

Дыхание легкого ветерка.

Уха в небольшом котелке закопченном,

Луна над веселым мальчишьям кружком.

Дурманящий запах картошки печеной

Со смугло-румяным душистым бочком.

На острове здесь так уютно, знакомо,

Беседы о взрослых делах среди друзей.

Немного тревожно: а как там дома?

Вернулась ли мама? Сестренка при ней?

Голодное детство. Душевная смута...

Хотя еще мал, а уже в бороне.

Да это неважно. Сейчас все живут так.

Вот только у многих отцы на войне.

У многих же – парню обидно – напрасно
Посгинули где-то на стороне.
И мать затаила в себе боль бесстрастно,
Лишь плачет ночами в глухой тишине.
Так жалко ее... Когда на тот берег
Плывет он с друзьями по легкой волне,
То знает точно – не раз уж проверил –
С тех пор за него мать боится вдвойне.

IV

Тяжелым бременем на плечи жизнь легла.
Забота о семье, дровах, подворье.
Что мать, что женщина одна могла,
Хоть силы есть и есть пока здоровье?
Она опять вдова, как ее сестры, но
Образца тридцатых – сорок пятого.
Жизнь положили на алтарь любви.
Могли роптать лишь на войну проклятую.

А детство босоное, скорбя
И медля чуть, печально удалилось,
Недолелея и недолюбя
Детей-сирот. За горизонтом скрылось.
Чтобы оттуда редкою порой
Ворваться вдруг в сомнительный покой
И слезы скрыть от самого себя.

V

Откуда слезы женские рождаются?
Истоков нет, а реченьки шумят.
Горюешь ли – они ручьем струятся
И в радости алмазами блестят.
Из драгоценных жемчугов монисто
Чуть тронешь, - кажется, легонько зазвенят.
На кончиках ресниц густых повисло.
Сморгнулись – вновь слеза туманит взгляд.
Вчера сына из дома провожала,
И слез река без берегов текла.
Сегодня дочку замуж отдавала,
Скрыть слезы радости, конечно, не могла.
А встречи, расставанья, ожиданье?
Где матери набраться столько сил?

Она их черпала в его признание:
Все сызмала велось, как он просил.

VI

С каких же пор у сельского мальчишки
Открылись качества, что гению под стать?
Пусть прочитал в библиотеке он все книжки –
Единственное, что в деревне мог «достать».

Он оказался тем сосудом драгоценным,
Который трепет крова смог вобрать,
Алтайских красок колорит священный,
Беседы, песни земляков душой впитать.

Он увозил с собой в далекие пределы
Скупой задаток будущих побед,
Развенчивал под масками безделье
И твердо верил в свой грядущий след.

Он увозил с собой благословенье
И свет любимых материнских глаз.
Пусть денег нет, хватило бы терпенья!
Момент наступит –
и пробьет шукшинский час!

VII

Волнуется сердце жестоко,
Слезы светлые льются ручьем,
Станет так на земле одиноко,
Когда думаю, люди, о нем.

Со слезами его провожала
В стольный город, в самую Москву.
И пророчило сердце, вещало:
Будет, будет сынок на плаву...

...Все случилось, и все получилось.
Жил так жил: фильмы, книги, друзья,
И любовь, и жена – все сложилось.
Детки, внучки мои – жду всех я.

Край родной он носил в своем сердце,
Где бы ни был, не забывал.
Как приедет в село, по соседству
Всех проведал, гостей созывал.

На Пикет, на любимую сопку,
Уходил на восходе один.
Провожала его взглядом робко –
Знала: снова уедет мой сын.

Даже думать себе запрещала.
Но настал-таки черный день.
В самолете душа тосковала:
Уж предвидела горя тень.

VIII

Над Катунью луна, верней,
по Маяковскому, луница.
Плеск волн холодных не дает заснуть.
Кто бы ни шел сюда, ни ехал, что-то ищет,
Что можно б взять с собою в долгий путь.

-Вернись, мой сын, домой, - звала река. –
На берегах моих любил бывать ты в детстве.
Пусть приведет тебя ко мне тоска
По дорогим местам, что любишь с малолетства.

Не прихватишь с собою
ты этот алтайский простор,
Этот мощный разлив
по весеннему половодью,
Когда стаявший снег с торжеством
устремляется с гор,
Как твой Разин Степан
так же рвался когда-то к свободе...

...Но оставил ты Сростки,
оставил родную Катунь,
Чтоб по свету искать утоление
душе беспокойной.
Не судил тебе Бог старцем
стать седовласым, как лунь,
Только сердце дал мудрое
да характер тебе непокорный.

И с дарами такими отважно
ты двинулся в путь,
Чтобы выполнить все,
что судьба на роду написала,
Чтобы жить, словно петь,

чтоб уж если вздохнуть, так вздохнуть.
Жадным к жизни ты был,
будто чувствовал: времени мало...
...И ушел средь пути по осеннему холодку.
На кубанской земле твое сердце
стучать перестало.
И другая река на Катунь переслала тоску,
Что отмерено было тебе
так чудовищно мало.

IX

Не боялся пересудов,
Не страдал я, нет.
Пусть пороша ниоткуда
Заметает след.
Пусть дожди звенят повсюду,
Будет ночь ясна.
Даже желчь от пересудов
Не нарушит сна.

X

«Что с нами происходит?» – вот вопрос,
Вопрос сакраментальный, судьбоносный...
Без пафоса оратора возрос,
Став для кого-то даже вредоносным.
Он выплывает исподволь подчас,
То, как змея гремучая, внезапно.
И мучает, и точит, гложет нас,
Не позволяя отступить на попятный.
Жизнь превращается в кипящую стремнину,
И начинается невыносимый кошмар.
И нужно уклониться от лавины
И отразить, став молнией, удар.
...Четвертый год. Тысячелетье третье...
Страна всем миром едет на поклон.
Раным-рано в июле на рассвете
На сопке дорогих гостей встречает Он.
Он не встает, не кланяется низко,
Глаза бессонные радушны и чисты.
В штанах закатанных, босой и близкий,

На всех идущих смотрит с высоты.

И каждый будто высвечен тем взглядом –

Не скрыть в толпе всех потаенных дум.

Неважно, ты один иль кто-то рядом.

Все наизнанку, будь хоть чужой, хоть кум.

Но есть один **момент** среди многих важных:

Когда любви отхлынула волна,

Выпячивается вдруг бум бумажный –

Здесь за признание «заплачено» сполна.

XI

К вопросу о моменте

Еще белеет снег в опалке,

И так застенчива весна,

Уже вытаивают свалки

И тетрапаки от вина.

Уже дорожник вдоль дороги

Проходит бережно с мешком:

Закон об улицах нестрогий –

Так сору миром бьем челом.

И наш Алтай не исключенье...

Но скоро встреча с Шукшиным –

Дорожникам вдвойне волнение:

Обочины – иль сор, иль дым.

Не знаю, как ли в регионах

Других «блистает чистотой»,

Однако в наших районах

Помог бы только постовой.

Стоим ли где-то на своротке

Иль транспорт ждем у КДС,

С собой в запасе сало, водка,

Бутылка с пивом тоже есть.

И чипсы – супер всех закусок!

И пластик – лидер всех продаж!

Да с кириешками вприкуску –

Здесь был бы классный репортаж.

А впрочем, все интеллигенты,

И все достоинства полны...

Но все же, пользуясь моментом,
В окна машин все до весны
Летит – по снегу-то не видно...
Но лишь ветра согнали снег,
Не по себе вдруг станет, стыдно:
Ну почему мы хуже всех?!

Ну почему и на Пикете –
Где так хозяева стремятся
Принять всех и получше встретить,
Гостями так они гордятся –
Так почему ж на этом месте
Как будто бы прошла Орда?!
Коль был Шукшин бы с нами вместе,
С усмешкой протянул бы: «Да-а-а...»

Что ж это с нами происходит?
Скажите, граждане, вы мне.
Моя душа средь вас здесь бродит,
Мне это место – свет во тьме,
Что через всю страну прорвался
На Новодевичье ко мне –
Не зря ведь я всю жизнь старался
И подарил ее стране!

Теперь же вечно на Пикете
Дозор для Родины несущу.
Вот только пластик и пакеты
Закрыли взору всю красу.
Вы разъезжаетесь с поклоном.
А землякам – и ох! и ах! –
Уборку проводить по склону
Приходится на всех парах...

И снова чисто на Пикете,
А я почти весь год один
Вновь жду российского привета
И перемен, конечно, с ним».

ХII

Сюжет не нов: так много сыновей
И дочерей по всей печаль-России
На пьедестале Родины своей
Служить ей продолжают в меру силы.

И он среди них. Конечно, здесь, на сопке,
Теперь навеки с дорогим селом.
Уж не спешит, не рвется. Неторопко
С Катунью при луне беседует вдвоем.

Теперь, как в детстве, снова признается,
Как он скучал и как мечтал с отрадой,
Что он вернется на Катунь, вернется
И заживет в согласии с добром и ладом.

Вернется в Сростки,
что срослись с его страной
И, как ни горько, с бедами России.
По-прежнему вершится жизнь Москвой,
А хлебопашцев-то крестьян вновь не спросили...

Какой-то беспардонный парадокс:
Так долго из бесправья выходили,
Уж, кажется, народ воспрянул и возрос,
Да только вновь под корень подрубили.

И снова в думах, в мыслях о былом,
О жизни молодых и тех, кто старше...
Пророком не был он, не станет и потом...
С Катунью только делится без фальши...

...И вот вернулся я к тебе, моя река,
Любуюсь вновь твоими берегами.
Прости, что издали теперь и свысока,
Но, как при жизни, грежу островами.

Теперь уж точно я с тобою на века
И не уйду теперь уж никуда я.
Ты не грусти, что стал я ближе к облакам,
Ведь все равно с тобой, Катунь родная!

...Отболело, отныло, остыло...
Поколенья другие пришли.
Но как предкам, как нам, им все мило –
Знать, не зря по Земле мы прошли.

Людмила Фельдбуш
с. Ельцовка.

Сростки. Пикет

Чтоб пред тобой склонились времена,
Надо пройти дорогой Шукшина.
А чтоб начать ее и одолеть,
Пройти сквозь надолбы бездарности
сановной,
Надо, как Он, с рожденья заболеть
Любовью – к Родине – душевной и духовной.
Не сам собой неведомый Пикет
Взметнулся славой выше Эвереста –
То озарил неведомое место
Любви шукшинской негасимый свет.
Поправ гордыню, проявляя такт,
Померкшее созвездие столицы,
Еще бы! - Не тропа, а дивный Чуйский тракт
К нему не зарастет, не запылится...
Присел Макарыч, сбросив сапоги.
Пусть отдохнут натруженные ноги,
Прошедшие все Дантовы круги
Колдобисто-ухабистой дороги.

Осень

Спешит луна, сквозь тучи продираясь,
Секут лицо холодные струи...
Тень от него, за ним же укрываясь,
Прижала к камню пяточки свои.
А он, заботой прежнею объятый,
Лица от ветра не отворотив,
Отматывает долгий фильм обратно,
Чтоб вновь и вновь к его концу дойти...
Не удалось ему продлить терпенье,
А «фронт друзей» изрядно припоздал...
Чтоб приподнять алтайцу настроенье,
Под утро все ж проклюнулась звезда.

Владимир Якубенко
п. Беловский

Шукшин на Пикете

Как будто сел он отдохнуть, усталый –
Нелегкий труд у сельских мужиков...
Сидит Шукшин на тумбе пьедестала

В виду у благодарных земляков.
Он сидит простой и босоногий,
Как сидел, бывало, на лугу.
Взгляд его, с усмешкою, нестрогий,
В памяти своей я берегу.
Нам сейчас тебя так не хватает,
Василий Макарович Шукшин,
Уроженец доброго Алтая,
России нашей знаменитый сын.
Он любил село родное Сростки,
Где мальчишкой жил в родном краю.
Он любил кудрявые березки
И Россию – Родину свою.
Трудно привыкать к таким утратам.
Трудно сознавать, что его нет.
В этом году, 2009-м,
Ему бы было восемьдесят лет.

Александр Башкатов
с. Озеро-Петровское

О Шукшине

Ночь. Спит семья. В квартире тишина.
Накрывшись шалью, на диване читаю
Шукшина.
Взяла без цели, просто так, надеялась
заснуть.
Я не хотела размышлять, искать меж строчек
суть.
Но он со мной заговорил так просто,
доверительно.
Он песни пел, стонал от боли, смеялся
заразительно.
Он рассказал мою судьбу, судьбу моих
родителей,
Моих дедов – простых людей, с рождения
сельских жителей.
Своим героям он не льстил, не жалел за
судьбу их убогую,
Глубоко уважал и любил идущих своею
дорогою.
Правда, святая правда, без ретуши, без
прикрас.
Цепляет крючком за нервы каждый его
рассказ.

Вдруг как пуля в висок: «Хорошо, что так рано ушел».

Мысль жестока, вполне может стать.

Но сейчас жизнь для «гибких» людей,

А Шукшин не умел прогибаться.

Вроде и не спала, но привиделось вдруг

Доли поэта очерченный круг:

Черная пашня, стволы белых берез, береста

Атласная... и рябина красная.

Светлана Брюханова
с. Загайново

Василию Шукшину

Чуйский тракт серой лентой мчится,

Убегает вперед и вперед.

Плавно в танце кружится

Опавшей листвы хоровод.

Промелькнули скалистые горы,

Виднеется справа село.

Сростки! Родные просторы,

Загляденье твое и мое.

Здесь родился Василий Макарыч,

Здесь друзей заимел,

Здесь калину ты красную

И багульник воспел.

Твои «Печки и лавочки»,

Деревенский мужик.

Ни уюта, ни ласки,

Ко всему ты привык.

Ты актер и писатель.

Наша гордость – земляк!

Слишком рано ты умер,

Почему вышло так?

Кто за это ответит?

Кто же здесь виноват?

Почему же, скажите,

Почему вышло так?

Татьяна Горлова
с. Троицкое

Фильмы снимал здесь Василий Шукшин

Чуйский тракт, гул потока машин.

Шум Катуня, таежные арии.

Фильмы снимал здесь Василий Шукшин –

Создавал по своим их сценариям.

Заболоцкий Анатолий,
Оператор киносъемки,
Свою творческую долю
Внес в создание фильмов емко.

«Живет такой парень» – в Горном Алтае
Фильм этот первым снимали;
В селах вдоль тракта объекты меняли –
Задача была непростая.

Фильм «Печки-лавочки» создали,
Где за Катунью Шульгин Лог;
На Чуйском тракте Манжерок,
«Ваш сын и брат» позднее отсняли.

В фильмах этих об Алтае
Шукшин рассказывал о людях,
О земляках родного края. -
Здесь чтут его и не забудут.

Земляков в своих рассказах
Он отразил, увековечил.
Их образ жизни в них показан,
И во всех тонкостях замечен.

Михаил Князев
с Троицкое

Для одних – над горою Поклонной,
Для других – над горою Пикет
Светит звездочка благосклонно,
Разливая тревожащий свет.
Словно символ далекого детства,
Для души как целебная мазь.
Не сыскать во всем мире средства,
Чтобы к Родине нить прервалась.
С нетерпеньем ждет родина малая,
Тянет нас к себе мощным магнитом
И встречает под зореньку алую
Знаменитых и незнаменитых.

Владислав Косарев
с. Троицкое

Калина красная.

Где расположены родные Сростки
Растут вокруг там стройные березки
За ними тянутся поля
И щедрый урожай дает земля
Всю эту красоту стремился он обнять
Старался в кинофильмах ее снять.
Шукшин Василий – наш кумир
Введет в обыкновенный и необыкновенный мир
Когда в его произведениях
С ним рядом прошагаешь
Много поучительного и интересного узнаешь.
В одном из фильмов, что «Калиной красной» назвал
Страдание и любовь к местам родным нам показал
И крик души, и боль, и доброту, и слезы
Могли с ним разделить березы
И в тоже время он ни юмора
Не потерял, ни озорства
Хотя и знал, что нелегка судьба
Он знал- на вид калина красная
Нарядна и ярка
Знал и про то – когда попробуешь ее – горька.
«Калиной красной» сердце зрителям сердце разбередил
Так как судьбу трагическую в ней раскрыл
Он этим фильмом равнодушных не оставил
И над своей судьбой задуматься заставил.

Наш Шукшин.

В селе Сростки на горе крутой
Сидит в граните Шукшин босой.
В мире среди множества вершин
Своей достиг любимый наш Шукшин.
К нему в июле каждый год
На чтения собирается народ.
Через большие трудности, тревогу
В искусстве пробивал себе дорогу.
Пока был жив, признать гиганта не хотели,
Когда ушел и дифирамбы в честь его запели.
Чист и прост, он вышел из народа,
Наш Шукшин – алтайский самородок.
Сельского жителя он не обидел,
Что повстречался на его пути.
Он в каждом человеке личность видел,
Умел раскрыть его, изюминку найти.

И вот сейчас он с высоты на нас взирает,
Гостеприимно всех встречает.
В честь его открыты в России музеи,
Его никогда не забудет народ.
Пусть новые придут корифеи,
Пусть память о нем вечно живет.

Людмила Яркова
с. Троицкое

Памяти Шукшина.

От милого порога вела его всегда
Сибирская порода и русская душа
О матери он помнил, ее боготворил
И в Сростках лучший дом в подарок ей купил
В том домике открыли музей давным-давно,
Где свет шукшинских окон – нам в мир одно окно.
В июле, в октябре ли цветы сюда несут,
В любое время года поклонники идут.
Неважно, на погосте каком нашли приют,
Мать с сыном неразлучно на небесах живут.
Москва, Алтай и Сростки у мира на устах:
Шукшин объединил их надолго, на века.
Пусть придут другие, настырней и умней,
Но нам Шукшин Василий - луч солнца на Земле.

Валентина Каркавина
с. Троицкое

Любимый сын Алтая.

Шукшин - любимый сын Алтая,
Тобой гордимся мы, любя.
Живи в веках, не умирая,
Мы помним о тебе всегда.
Тебя жалея, мы желаем,
Чтоб твой талант не угасал

Чтоб оживал в кино и прозе,
Чтоб всех он нас объединял.
Алтай-жемчужина Сибири,
Каких сынов теряешь ты!
Ушли в бессмертие сыны:
Рождественский и Шукшин.
Ушли, оставив след в народе,
Неугасимый, яркий свет.
Светить будут в кино и прозе
Через много-много лет.

Валентина Каркавина
с. Троицкое.